

Мария Кандида Гидини⁴

**ОБРАЗ РОССИИ У ЖАКА МАРИТЕНА.
ВОСТОК И ЗАПАД В ПОИСКАХ НОВОЙ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ**

Тут запомнило свою колыбель европейское челове-
чество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу
родною любовью.

Ф. М. Достоевский. Подросток

Образ России в концепции французского философа Маритена представляет собой пример переосмыс-

ления понятия конкретной национальной идентичности (самой России) с ее духовным и историческим значением в рамках целой европейской цивилизации. Чужой культурный путь рассматривался как возможное указание на собственные исторические заблуждения. В силу своей «другости», инаковости (и тем самым своей общности) Восточная Европа способствовала обогащению духовной и культурной жизни межвоенной Европы, в которой в те годы шла Гражданская война. Существенным был вклад русской эмиграции в развитие Европы, в частности таких философов, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков или Лев Шестов. Их сложная судьба явилась предзнаменованием тех опасностей, которые принес тоталитарный режим в Западную Европу. Опыт этих мыслителей и богатство культуры их Родины свидетельствовали о новой почве для кущие задачи и вечные проблемы: Густав Шпет и его школа в Государственной академии художественных наук» и др.

⁴ Профессор русской литературы Университета Пармы и Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Il cerchio incantato del linguaggio. Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjačeslav Ivanov», «La corte e il cortile. Aspetti della cultura nobiliare russa tra Settecento e Ottocento», «La parola e la realtà. Per una ricostruzione della filosofia del linguaggio di Gustav Špet», «Особенности герменевтики Г. Г. Шпета», «Il pensiero linguistico di Gustav Špet», «La forza reale del possibile. Il pensiero estetico di Gustav Špet», «Вячеслав Иванов и имяславие», «Слово и реальность. К вопросу о реконструкции философии языка Г. Шпета», «Проблема личности между феноменологией и историей: влияние Густава Шпета на работы Григория Винокура двадцатых годов», «Звук и смысл: некоторые замечания о теме глоссологии у Вячеслава Иванова», «Те-

преодоления кризиса европейской мысли Нового времени.

Образ России в трудах французского философа Маритена определяется двумя факторами:

— многочисленными семейными и дружественными связями (русская жена, поэтесса Раиса, многолетнее сотрудничество с Бердяевым, близкая дружба с художником Марком Шагалом и музыкантом Артуром Лурье);

— размышлениями о христианской вере в тревожное межвоенное время и судьбе европейского гуманизма. В этом русле накануне кризиса западной мысли русская духовность могла помочь переосмыслить истоки западного христианства и европейской культуры.

Вопрос о взаимоотношениях православия и католицизма остро стоял в католических церковных кругах после Октябрьской революции. Это воспринималось тогда, как будто насильственное движение истории поставило рядом два далеких (иногда противоположных) мира. Благодаря массовой эмиграции из России Запад и Восток Европы стали близки. Это сближение породило не только проблемы, но и надежду на плодотворное усиление их тождеств. В этом заключался смысл межконфессиональных встреч, организованных Бердяевым и Маритеном в конце 1920-х годов в Париже, и собраний Франко-русской студии в те же годы.

Боле того, для Маритена сближение с русской мыслью и религиозностью было необходимо для того, чтобы преодолеть риск возникновения национализма. Это стало большой проблемой для французской католической интеллигенции после папского осуждения Морраса и его движения “*Action Française*” в 1926 году.

В своих работах «*Ангельский доктор*» (1929) и «*Религия и культура*» (1930)¹ Маритен рассматривал кризис Нового времени, исходя из вопросов, поставленных Бердяевым в тот же период в работах, опубликованных во Франции благодаря посредничеству Маритена: «*Судьба культуры*»² и «*Новое Средневековье*»³. Именно в это время Маритен говорит о христианской диаспоре как о факте, который может не только иметь отрицательную коннотацию, но и, наоборот, являться провозвестником новой христианской цивилизации в мире, где искомое единство будет реализовываться в духовном плане⁴.

Россия в силу своей маргинальности по отношению к европейской культуре представляла точку зрения, ко-

торая могла бы помочь при анализе существенных характеристик европейской мысли. Русская культура могла бы показать всей Европе, как решить задачу универсализма и избежать опасных форм национализма и крайнего индивидуализма — итога цивилизации, которая возникла на основе «антропоцентричного гуманизма» (широко цитировавшееся выражение Маритена) и Ренессанса (и здесь можно отослать к работе «*Новое средневековье*» Н. Бердяева⁵).

В приложении к своей книге «*Примат духовного*» Маритен говорит о русском православии, исходя из убеждения, что церковь — это не Запад и не Восток, она универсальна, имея центр в Христе, «не находясь ни в какой части мира»⁶. Он утверждал, что различия между католиками и православными являются не большим препятствием к единству веры, чем разница между францисканцами и бенедиктинцами⁷.

Жак Маритен подробно рассмотрел эти проблемы в своих работах. В своем докладе о Декарте, прочитанном на собрании Франко-русской студии 27 января 1931 года⁸, он последовательно применил к самому себе суд совести, к которому он ранее призвал всю западную цивилизацию. Он ввел свои «картезианские» размышления (см. Гуссерля) в рамках спора между Западом и Востоком. Он противопоставил антропоцентризм и ультра рационализм (термин Бердяева, который выступил в прениях в поддержку Маритена) картезианства («великого французского греха») восточной мысли и учению Соловьева о богочеловеке⁹.

Те же рассуждения повторяются и распространяются с религиозной на философскую область в книге Маритена «*Сон Декарта*» (1932), которая является призывом к русским философам понять Восток и Запад и совместно работать над примирением умов в истине¹⁰.

Итак, Маритен (вместе с Бердяевым) принял участие в актуальной дискуссии, которая породила многочисленных произведений. Укажем, кроме упомянутого «*Нового Средневековья*» Бердяева (1924), на «*Защиту Запада*» Массиса (1927), «*Закат Европы*» Освальда Шпенглера (1922), «*Соблазн Запада*» Андре Мальро (1926), «*Кризис современного мира*» Рене Генона (1927), а также на работы Маритена, о которых речь шла выше и в которых французский философ пытался ответить на распространенное в межвоенный период недовольство цивилизацией, равно как и на всеобщую тревогу о судьбе Европы Нового времени.

¹ Maritain J. Le Docteur angélique // Maritain J. Oeuvres Complètes / ed. J. M. Allion [et al.]. P., 1986–2000. T. IV. P. 90–97; *Idem*. Religion et culture // *Ibid.* P. 212–217.

² Berdiaev N. Le Destin de la culture. P., 1926. P. 73–100 (Chroniques, II numéro, Le roseau d'or. Œuvres et Chroniques. № 10).

³ Оба произведения Бердяева были переведены Анной Фумет, женой Станисласа Фумета, под редакцией самого Маритена. В начале Маритен был недоволен переводом из-за «славяно-французского» слога и недостатка философской лексики. Он был также озабочен возможным искажением понятий в связи с использованием термина «символический», который, будучи отнесенным к религии, мог ошибочно отсылать к религиозному модернизму. См. письмо Маритена Бердяеву от 9 августа 1926 года (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1496. Ед. хр. 605. Л. 6). В «Судьбе культуры» Бердяев писал: «В рамках культуры религия имеет “символический” характер — в вышеуказанном смысле; в рамках цивилизации она становится прагматичной» (Berdiaev N. Le Destin de la culture. P. 91).

⁴ Maritain J. Le Docteur angélique. P. 94.

⁵ Berdiaev N. Un nouveau Moyen Âge. P., 1927. Первое издание: Бердяев Н. Новое Средневековье. Берлин, 1924.

⁶ Maritain J. Primauté du spirituel. P. 878.

⁷ *Ibid.* P. 943.

⁸ Maritain J., Vycheslavzef B. Descartes. P.: Edition Cahiers de la Quinzaine, 1931. (Пепечатано в: Le Studio Franco-Russe / L. Livak, G. Tassis (sous la red.). Toronto, 2005. P. 403–418.)

⁹ *Ibid.* P. 417.

¹⁰ Maritain J. Le songe de Descartes // Maritain J. Oeuvres complètes. T. V. P. 9–222.